

Иван избавляется от опеки

В 1543 г. братья Шуйские решили устранить думного советника Федора Семеновича Воронцова, начавшего оказывать слишком ощутимое влияние на Ивана. Возможно, они испугались будущего конкурента в борьбе за власть или попросту решили, что могут уничтожить безнаказанно любых неугодных им людей. В союзе с князьями Кубенскими, Пронскими, Алексеем Басмановым и другими трое Шуйских на одном из заседаний Думы 9 сентября 1543 г. обрушились с обвинениями на Воронцова, быстро переросшими из перепалки в самосудную расправу. Воронцова в присутствии государя и митрополита бранили, били по лицу, оборвали платье, выволокли в сени и уже хотели убить на месте, несмотря на протесты Ивана и Макария. Под влиянием государя Воронцова с сыном оставили в живых, однако Шуйские настояли на высылке его из Москвы. Иван предложил отправить Воронцовых в Коломну, однако бояре услали царского любимца подалее, в Кострому.

Ивану еще раз продемонстрировали, насколько низко упал его авторитет. Он вновь под давлением бояр вынужденно смирился с устранением близкого ему человека. Удалось добиться сохранения жизни Воронцову, но при этом пришлось признать его мнимую вину. Очередное насилие Шуйских отвернуло от них не только великого князя, но и митрополита, а также бояр Морозовых. При дворе стал складываться заговор против Шуйских.

Осенью 1543 г. Иван надолго выехал из Москвы на охоту и на богомолье. К этому времени государь лишился всех людей, окружавших его с детства. Умер боярин Челяднин, бывший дядькой царя и имевший чин конюшого. Сознывая, что Иван сильно повзрослел, сторонники нового переворота решили провести его уже не с молчаливого согласия великого князя,

а с прямым его участием. Вождями враждебной Шуйским партии стали князья Юрий и Михаил Васильевичи Глинские, высокопоставленные родственники царя, которым он в связи с этим доверял более, чем другим. Призывы Глинских взять власть оказались как нельзя кстати молодому государю. Однако бояре не подозревали, насколько серьезно воспримет Иван их проповеди к установлению сильной великокняжеской власти. Талантливый литератор и прирожденный лидер, Иван наилучшим образом использовал сведения о беззакониях Шуйских, которые услужливо сообщали ему Глинские: он подготовил разгромную речь в Боярской думе. В Москву великий князь вернулся почти взрослым человеком.

Для отвода глаз Иван весело праздновал Рождество, катался на санках, пировал и вдруг 29 (по другим данным — 13) декабря 1543 г. приказал созвать бояр и заявил, что они, пользуясь его юностью, совершенно разграбили Московию, убивают людей и творят беззакония. Иван назвал и главного виновника этих бедствий, которого, в отличие от прочих причастных к преступлениям вельмож, он помиловать не может. Тут же князя Андрея Шуйского схватили и отдали псарям (что должно было подчеркнуть презрение царя), чтобы те пытали его и убили. Казнь прошла без суда, она оказалась жестокой, однако показательной и гласной, в отличие от смертей в тюрьме братьев Василия и Михаила Глинских и князя Овчины.

Эффект от расправы оказался велик. Никто не осмелился протестовать против казни вчера еще всемогущего временщика. Уцелевшие Шуйские молчали, народ и придворные расценили произошедшее как восстановление нормального порядка, когда правит великий князь, а не боярская клика. Именно с этого момента, как указывает летописец, бояре начали «страх от государя имети» [5]. Возможно, это некоторое преувеличение, далеко не все бояре оценили степень участия Ивана в произошедшем дворцовом перевороте.

Многие историки в качестве доказательства патологической жестокости и беспощадности

Санки для рождественских катаний (XVI в.)

*Иван Грозный отдает Шуйского псарям
на казнь (с миниатюры XVI в.)*

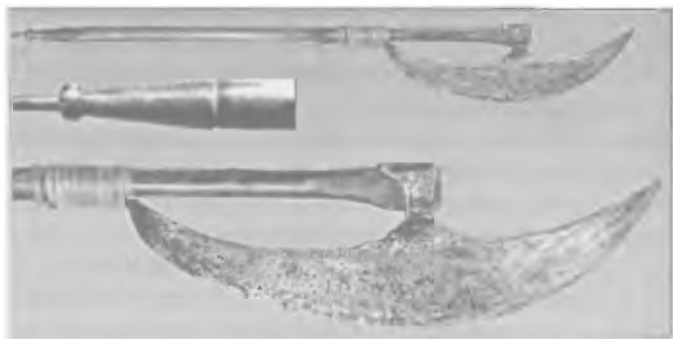
Ивана часто используют тот факт, что свой первый смертный приговор Грозный вынес уже в 13 лет. Однако вряд ли этот аргумент что-либо доказывает. Во-первых, как государь Иван должен был выносить приговоры (в том числе и достаточно часто — смертные) вне зависимости от возраста, просто в силу занимаемого им положения. Во-вторых, иного наказания за беззакония и узурпацию власти по тогдашним правилам и не предполагалось. В-третьих, жестокость способа казни могла быть выбрана для наглядности и урока тем, кто собирался претендовать на освободившееся место в государственном управлении. И наконец, по нормам XVI в. совершеннолетие наступало в 15 лет, а средняя продолжительность жизни по тем временам ограничивалась 27 годами, поэтому 13-летний возраст Ивана не может свидетельствовать о его социальной незрелости.

Первым действием Ивана после отстранения Шуйских от власти стало возвращение Воронцова из ссылки. Федор Се-

менович, отсутствовавший при расправе с Шуйским, не смог понять, что эпоха временщиков закончилась, и попытался сам стать новым властителем. Иван быстро пресек эти намерения, и уже в октябре 1545 г. Воронцов подвергся опале за неумеренное властолюбие.

Конечно, Иван еще не был настолько самостоятелен и силен, чтобы, свергнув Шуйских, править самому. До 1547 г. у власти находились Глинские, однако значение мнения великого князя и его политический вес неуклонно росли. Негативные склонности Ивана, сформированные в эпоху правления Шуйских их неумеренным потаканием забавам великого князя, развивались все более и обходились России все дороже. Помимо мало приличествующих государю веселых гулянок на улицах Москвы, очень напоминавших развлечения юного Нерона, начались казни за чересчур вольное обращение с достоинством молодого властителя. Советники великого князя из победившей боярской группировки не препятствовали наказаниям, а, наоборот, поощряли их, часто придавая акциям, являвшимся результатом скрытой борьбы в боярской среде, видимость проявления государевой воли. Иван пока еще не был готов к последовательной жестокости. Так, опального любимца, неудавшегося диктатора Федора Воронцова, возвратили из опалы ко двору всего через два месяца, уже в декабре 1545 г.

Совершеннолетнему Ивану (в августе 1545 г. ему исполнилось 15 лет) следовало возглавить войско и страну уже единолично. Посольский приказ официально известил иностран-

Бердыши (XVI в.)

Ливонский замок в Цесисе (Великое княжество Литовское, XIII—XV вв.)

ные дворы о том, что государь достиг взрослого возраста и подумывает о браке.

Предполагалось, что первым его действием в новом качестве станет небольшая антитатарская кампания, однако ни бояре, ни сам Иван не отнеслись к этой идее достаточно серьезно. Иван, находясь в действующей армии, предавался потехам, что вызвало у некоторых бояр иллюзию незащитности великого князя перед их попыткой восстановить опеку над ним. Бояре подговорили часть войска обратиться к Ивану с жалобами, но тот прогнал челобитчиков. Новгородские дворяне попытались поднять мятеж, но безрезультатно. Следствие выяснило, что виноваты в случившемся провокаторы-бояре. Федора Семеновича Воронцова и князя Кубенского, бывшего участника высылки Воронцова и соратника Шуйских, казнили на одной плахе. Иван продемонстрировал боярам, что манипулировать собой не позволит.

Последние годы боярского правления оказались для Московии временем относительно благополучным. Литва последовательно соблюдала перемирие. Крымский хан не возобновлял попыток тотальной войны против Русского государства, Казань, хотя и регулярно давала поводы для беспокойства своими дворцовыми переворотами, тем не менее частью империи Гиреев, и уж тем более Османской, так и не стала. Набеги на Русь продолжались, велись тайные переговоры для создания коалиции против Московии, но ни к каким серьезным последствиям это не привело. Подданные Ивана не страдали ни от голода, ни от стихийных бедствий, хотя жизнь

московитов оставалась по-прежнему тяжелой из-за беззакония как высших властей, так и местных воевод из-за отсутствия контроля «сверху». Молодой государь на мелкие проблемы внимания не обращал и на челобитные почти не реагировал, продолжая свое образование и сосредотачивая внимание на проблемах божественного происхождения своей власти.

Народ, привыкший к патриархальным нравам, в соответствии с которыми великий князь доступен для населения и самолично решает все вопросы, проявлял недовольство и разочарование. Брожения усиливало то обстоятельство, что Иван, наверстывая упущенное в детские годы, беспрестанно веселился, охотился и не проявлял никаких признаков того, что он — достойная замена отцу и деду. Любые требования вызывали у него приступы гнева и подозрения в оскорблении величия.

Эпоха безвременья затянулась до конца 1546 г., когда прослышавший незрелым и легкомысленным 16-летний государь приступил к невиданным прежде преобразованиям.